

Тянь Ци удалось на время одурачить Цзи Хэна, но императоры по своей натуре люди подозрительные. Вернувшись во дворец, Цзи Хэн припомнил реакцию Цзи Чжэна, когда тот увидел его в театре — в ней явно сквозила нечистая совесть. Цзи Хэна это заставило встревожиться, но в то же время он не хотел верить, что между Тянь Ци и А-Чжэном может быть что-то предосудительное.

Если не брать в расчет их положение, Цзи Хэн был вполне уверен в своей мужской привлекательности. Раз уж Тянь Ци нравятся мужчины, то это должны быть мужчины с характером, а А-Чжэн, который выглядит красивее любой женщины и обладает мягким, нерешительным нравом — какой из него мужчина? Кроме того, что у него есть мужское достоинство, в остальном он едва ли дотягивает до настоящего мужчины.

Что за вздор лезет в голову. Цзи Хэн потер лоб, осознав, насколько нелепы его мысли. Взглянув на Тянь Ци, он увидел, что этот маленький извращенец сохраняет невозмутимый вид, хотя уголки его губ слегка опустились, выдавая нескрываемую обиду. Маленький извращенец слишком быстро шел, и на висках выступил пот. Крупная капля застыла в уголке глаза, вот-вот готовая сорваться, но он не смел ее смахнуть. Веки зачесались, он с усилием моргнул, и пот превратился в крошечные капельки на густых ресницах, похожие на росу на еловых лапах. Когда он моргал, эти капли, отражая солнечный свет, блестели в его влажных глазах, словно слезы — вид был такой, будто он только что проливал их в тоске под дождем.

На мгновение Цзи Хэн потерял дар речи и чуть было не протянул руку, чтобы вытереть слезы Тянь Ци. Он неловко отдернул руку и произнес:

— Что ты творишь? Неужели я настолько страшен, что ты даже пот вытереть боишься?

Тянь Ци поспешно выхватил платок, протер лицо и опустил голову, не смея взглянуть на императора. Заметив платок, Цзи Хэн вспомнил о другом:

— А где мой платок?

— А-а? — Тянь Ци прикинулся дурачком.

Цзи Хэн не сводил с него глаз:

— Не думай, что я не догадываюсь, что у тебя на уме. Ты что, не собираешься возвращать платок, который я одолжил тебе несколько дней назад? Как ты посмел присвоить себе вещь, принадлежащую императорскому двору?

Тянь Ци понял, что выкрутиться не удастся, и с кислой миной ответил:

— Ваше Величество, раз уж я испачкал ваш платок, то не смею подавать его вам, чтобы не осквернить святость вашего тела.

В душе же он проклинал императора: какой же он мелочный, целую неделю помнил об этом платке! Когда он бросил его ей на голову, это явно был подарок, а теперь требует вернуть. К

тому же платок давно потерялся, она долго искала его, но не нашла, о чем очень жалела — ткань была добротной, можно было выручить немного денег.

Тянь Ци не знала, что Цзи Хэн потребовал платок, связав это с мыслью о том, что она «заглядывается на него». Представив, как этот маленький извращенец хранит у себя его личную вещь, Цзи Хэн почувствовал себя объектом тайных фантазий, и если бы это была красавица — еще куда ни шло, но ведь это евнух! А этот евнух еще и решил играть роль до конца. Цзи Хэн холодно хмыкнул, но не стал продолжать спор. Император должен держать марку — тягаться с евнухом из-за платка было бы совсем уж недостойно.

Так или иначе, день прошел для Цзи Хэна в странных раздумьях. В глубине души бродило какое-то непонятное чувство, лишая его покоя и не давая сосредоточиться.

На следующий день Цзи Хэн вызвал Цзи Чжэна во дворец Янсинь. Хотя слухи оказались ложными, брату уже шестнадцать, пора бы ему и жениться. Будет жена приглядывать, глядишь, и перестанет он шляться по городу и ввязываться в неприятности, подумал Цзи Хэн с чувством невольной усталости. Старший брат как отец — в свои двадцать три года Цзи Хэн пекся о нем, как тридцатилетний.

Женитьба принца — дело и простое, и сложное одновременно. Юный ван хорош собой, благороден, знатен. В прошлом году какой-то досужий сплетник составил список красавцев столицы, и Цзи Чжэн занял в нем первое место. Из-за своей славы он часто становился объектом тайных взглядов девиц. В Великой Ци нравы были свободнее, чем в прошлые эпохи, а женщины — смелее и решительнее, ведь основательницей династии была женщина. Некоторые семьи, внесшие Цзи Чжэна в список потенциальных зятеев, переодевали дочерей, чтобы те могли подкараулить принца и оценить его. По неполным данным, уровень одобрения Цзи Чжэна среди них был близок к ста процентам.

Но и опасений при выборе невесты было немало. Происхождение девушки должно соответствовать статусу Цзи Чжэна, но при этом ее семья не должна быть слишком влиятельной — даже если бы Цзи Хэн не стал ничего подозревать, сам Цзи Чжэн не позволил бы себе связаться с могущественным кланом. Учитывая характер, внешность и репутацию девушек, после тщательного отбора оставалось всего две-три кандидатуры. К тому же нужно было учитывать и желание самой стороны — даже такой принц, как Цзи Чжэн, не может нравиться всем без исключения.

На самом деле, все это было второстепенно. Главная проблема заключалась в том, что сам Цзи Чжэн не хотел жениться.

Цзи Хэн быстро это понял. Например, когда он начинал обсуждать дочь того или иного чиновника — мол, красива, добродетельна или талантлива — Цзи Чжэн поддакивал, а в конце добавлял, что такая прекрасная девушка достойна лишь императорского дворца, и никто другой ее не заслуживает. А когда Цзи Хэн говорил, что пора бы ему остепениться, Цзи Чжэн парировал, что трон императрицы пустует уже много лет, и брату самому пора бы подумать о женитьбе.

Цзи Хэн начал подозревать, что А-Чжэн и вправду не интересуется женщинами. Юноша в самом расцвете сил, по идее, должен думать лишь об этом, почему же он такой бесстрастный?

И вот Цзи Хэн с многозначительным видом оглядел Цзи Чжэна и спросил:

— Те две красавицы, что я даровал тебе на днях, чем-то не пришлись по душе?

Это был прямой допрос. Тянь Ци, будучи единственным свидетелем, обливалась потом за Цзи Чжэна.

Цзи Чжэн медленно ответил:

— Я не смел отказаться от милости брата, но я лишь гнилая трава в грязи и не достоин нефрита, дарованного вашим величием.

Слова звучали вежливо, но даже Тянь Ци уловила в них недовольство: мол, ты хочешь спихнуть мне своих женщин, тебе не стыдно, а мне — противно.

Тянь Ци украдкой взглянула на Цзи Хэна и поняла, что настроение у императора испортилось. Она очень переживала за Цзи Чжэна — принц был добрым человеком и хорошо к ней относился, ей хотелось помочь, но она была бессильна.

Цзи Хэн опустил глаза и, ничего не ответив, велел Тянь Ци передать Цзи Чжэну несколько докладов.

Тянь Ци, держа бумаги в руках, увидела, что на первом докладе стоит подпись министра обрядов Сунь Цунжуй, и невольно скривилась.

Цзи Чжэн бегло просмотрел документы, сложил их и положил на стол. Когда он снова поднял взгляд, его спокойствие исчезло, сменившись тревогой. Он встал со своего места:

— Брат, я невиновен!

Цзи Хэн молча смотрел на него. Тянь Ци поняла: должно быть, этот старый развратник Сунь Цунжуй наябедничал на принца, вот только что он там наплел?

Цзи Чжэн, уже догадавшийся о причинах, начал объяснять:

— В тот день Чжэн Шаофэн сболтнул лишнее, а Сунь Фань, не разобравшись, принял это за чистую монету и разнес по городу. Я, конечно, веду праздный образ жизни, но всегда знал меру и никогда не занимался подобными грязными делами.

Цзи Хэн знал нрав Чжэн Шаофэна, и это объяснение казалось правдоподобным. Но вот Сунь Фань всегда славился рассудительностью, как же он мог так глупо опозориться? Видимо, слухи

о нем преувеличены. Хотя шутка была ложью, Тянь Ци действительно приложила к ней руку. Цзи Хэн взглянул на нее, но она стояла с таким невозмутимым видом, будто это ее не касалось.

Цзи Хэн не ответил брату, а спросил Тянь Ци:

— Что ты об этом думаешь?

Тянь Ци опешила и, не сразу поняв, о чем речь, глупо спросила:

— Ваше Величество, о чем именно?

Цзи Хэн бросил взгляд на Цзи Чжэна и прямо спросил:

— Ты слышала наш разговор с Нин-ваном. Как ты считаешь, чья дочь подошла бы на роль супруги принца?

Какое мне до этого дело?

Тянь Ци сочла вопрос императора неуместным — спрашивать евнуха о женитьбе принца, это ли не пренебрежение? Наверняка император мстит за недавнюю колкость принца, но зачем втягивать ее, маленького евнуха, в разборки между братьями?

Тянь Ци посмотрела на Цзи Хэна, затем на Цзи Чжэна. Она заметила, что принц тоже внимательно смотрит на нее, словно ждет, что она назовет имя, и он тут же пойдет свататься.

Тянь Ци не была настолько глупа, чтобы лезть в такие дела. Она хихикнула:

— Принц, как и Ваше Величество, обладает несравненным величием, и я даже не могу представить, кто был бы достоин стать его супругой.

Одним ответом она польстила обоим, никого не обидев. В искусстве «сглаживать углы» Тянь Ци не уступала первому министру.

Цзи Чжэн на мгновение замер, затем усмехнулся и посмотрел на Цзи Хэна:

— Хорошего же слугу вы воспитали, брат. Если бы те олухи, что у меня дома, были хоть наполовину так же сообразительны, я был бы счастлив.

Сказав это, он подмигнул Тянь Ци. Если бы это был кто-то другой, Цзи Хэн, возможно, отдал бы его принцу, но только не Тянь Ци. Цзи Хэн не знал, что делать с Тянь Ци, как не знал, что делать с Цзи Чжэном. Поняв, что оба эти сорванца слишком изворотливы, а силой мил не будешь, он в раздражении выгнал обоих. Позже, почувствовав, что поступил погорячился, он велел позвать Тянь Ци обратно.

Выйдя из дворца Янсинь, Тянь Ци, убедившись, что поблизости никого нет, прошептала:

— Принцу не стоит принимать это близко к сердцу.

Цзи Чжэн улыбнулся:

— Спасибо за заботу, я действительно слишком много думаю.

Тянь Ци утешила его:

— На самом деле император не ищет повода придраться, он просто... — она задумалась и с досадой добавила, — он считает, что я пытаюсь тебя соблазнить...

— Кхе-кхе-кхе... — Цзи Чжэн прикрыл рот рукой, но улыбка стала шире. Увидев, как Тянь Ци покраснела, он сам смутился, и его уши окрасились в розоватый цвет. Помедлив, он наконец сказал:

— Тянь Ци, есть кое-что, о чем я хотел тебя спросить.

— О чем же? Я отвечу на все, что пожелаете.

— Ты...

Он успел произнести лишь одно слово, как его прервал подбежавший евнух:

— Тянь Ци, император велит тебе вернуться.

Тянь Ци не сдвинулась с места:

— Поняла, благодарю. — Она повернулась к принцу: — Принц, продолжайте.

Цзи Чжэн покачал головой:

— Забудь. Иди, тебя зовут.

Тянь Ци побежала обратно во дворец Янсинь, а Цзи Чжэн остался стоять на месте, провожая ее взглядом, пока она не скрылась из виду, после чего развернулся и ушел.

Тянь Ци постоянно торчала во дворце Янсинь и часто видела чиновников, приходивших на аудиенцию, но чтобы сразу три высокопоставленных сановника из кабинета министров пришли вместе — такое было впервые. Будучи мелким евнухом, она, конечно, не имела права присутствовать на таких совещаниях, поэтому благоразумно удалилась.

Она считала: чем важнее дело, тем меньше о нем стоит знать. Не имея сил вершить судьбы, не

стоит лезть в самую гущу событий.

Сегодня Шэн Аньхуай был занят подготовкой к празднику Дуанью, поэтому его не было, и все остальные евнухи во дворце слушались Тянь Ци. Ничего не поделаешь — хоть ранг у нее был невысок, но доверие императора было очевидно всем, и Тянь Ци стала восходящей звездой среди прислуги. Это вызывало у нее смешанные чувства: хорошо, когда тебя ценят, но быть на виду — значит нарушать «золотую середину».

Поэтому она старалась не задирать нос и вести себя тихо. Чем выше почести, тем ниже нужно склонять голову. Цзи Хэн был доволен таким поведением, а вслед за ним и Шэн Аньхуай.

Через полчаса трое министров вышли из дворца. Лица у них были разные. Первый министр Чжэн Ци, как всегда, улыбался, второй министр Сунь Цунжуй выглядел озабоченным, а третий, Тан Жолин, был моложе остальных и давно научился скрывать свои чувства за маской бесстрастия. Увидев Тянь Ци, он даже вежливо поклонился и поблагодарил ее за то, что проводила.

Тянь Ци была удивлена. Евнухи сейчас были в немилости, чиновники их презирали, а она — не Шэн Аньхуай, чтобы пользоваться особым почетом. Получить благодарность от самого министра двора было неожиданно.

Она мельком взглянула на остальных: Чжэн Ци продолжал улыбаться, а в глазах Сунь Цунжуя промелькнуло презрение — не к ней, а к Тан Жолину. Вероятно, он счел такое поведение заискиванием перед евнухом. Заметив, что Тянь Ци смотрит на него, Сунь Цунжуй на мгновение замер, но быстро отвел взгляд.

Тянь Ци не стала обращать на него внимания, вежливо попрощалась с Тан Жолинем и проводила их взглядом.

Задумавшись, она пришла к выводу: Сунь Цунжуй не в духе, неужели его отчитал император? Вряд ли, он ведь второй министр, а проступок Сунь Фаня был не так уж велик, чтобы император стал устраивать выволочку при других министрах.

Жаль, — подумала Тянь Ци, размышляя о том, что Сунь Цунжуй явно недолюбливает Тан Жолина. В кабинете министров места мало, людей немного, а дел неуправляемый — там интриги плелись в сто раз ожесточеннее, чем среди евнухов.

Но это ее не касалось. Тянь Ци постучала себя по голове и вернулась во дворец Янсинь.

Хотя это ее не касалось, о сути дела она узнала очень скоро. Источник информации был стопроцентно надежным — сын первого министра, Чжэн Шаофэн.

В начале месяца Тянь Ци, решив, что пора бы потрясти Чжэн Шаофэна на карманные расходы,

отправилась во дворец, чтобы повидаться с ним. Но тот с трагическим видом протянул ей клетку с птицей:

— Я решил взяться за ум и подготовиться к экзаменам, так что доверяю тебе мою Лин-эр.

Тянь Ци взвесила клетку — белая камышевка внутри была бодр и заливалась звонкой трелью.

— Ты дал птице имя соловей, ты думаешь, она отзовется? — спросила она.

Чжэн Шаофэн с тоской ответил:

— Ты бы хоть спросила, почему я решил засесть за учебу.

— А что спрашивать? Отец, небось, поколотил и заставил учиться.

Чжэн Шаофэн покачал головой:

— В этот раз нет.

И он выложил ей все как на духу. Оказывается, его пытались женить, но девушка, в которую он был влюблен, отвергла его, назвав никчемным бездельником. Оскорбленный Чжэн Шаофэн решил сдать экзамены и получить ученую степень, чтобы доказать свою состоятельность.

Тянь Ци подняла три пальца:

— Я знаю, что ты идешь по квоте для знатных семей, но до осенних экзаменов осталось всего три месяца. Люди годами корпят над книгами, а ты хочешь освоить все за три месяца?

— Я и раньше учился, к тому же главный экзаменатор — господин Сунь, а он в хороших отношениях с моим отцом.

Тянь Ци покачала головой:

— Еще не начал, а уже ищешь обходные пути. Какой господин Сунь?

— Министр обрядов Сунь Цунжуй. Пару дней назад император с министрами обсуждали это и назначили его главным экзаменатором. Это еще не объявлено, так что молчи. Изначально император хотел выбирать между господином Сунем и господином Таном, но у Тан-дарена сын тоже сдает экзамен, так что во избежание подозрений его кандидатуру отменили.

Тянь Ци, сопоставив факты, сразу поняла замысел Цзи Хэна:

— Да какие тут подозрения? Император просто решил приструнить Сунь Цунжуя.

Чжэн Шаофэн не понял:

— Что ты имеешь в виду?

— Если он станет экзаменатором на столичных экзаменах, то на весенних экзаменах в следующем году экзаменатором будет уже кто-то другой.

— Ну и что? Министр обрядов не может каждый год быть экзаменатором, в следующий раз все равно он будет.

Тянь Ци вздохнула:

— Дурачок. Скажи мне, как учится сын Тан-дарена?

— Отлично, в игорных домах ставят на то, что он займет первое место.

— Вот именно. Значит, если не случится ничего непредвиденного, он станет обладателем степени и пойдет на экзамены в следующем году. И если Сунь Цунжуй будет экзаменатором, сын Тан-дарена станет его учеником. Если они в хороших отношениях — ладно, а если нет — будет интересно. Тан Жолин не позволит сыну идти на экзамен, и тот потеряет три года. Через три года Сунь Цунжуй может снова создать ему проблемы. Император этим решением просто успокоил Тан Жолина и одновременно предупредил Сунь Цунжуя, чтобы не шалил.

Чжэн Шаофэн с изумлением смотрел на Тянь Ци:

— Откуда ты знаешь, что они в плохих отношениях? Я сам только от отца узнал. И... ты такая умная...

— Перехвалил. Это ты слишком глуп.

Чжэн Шаофэн понуро почесал голову:

— Что поделать, таким родился.

Тянь Ци смягчилась:

— Ничего страшного. Я слышала, Сунь Цунжуй человек серьезный, вопросы будут по существу. Если приложишь усилия, есть шанс сдать. Это всего лишь провинциальный экзамен, не так уж сложно.

Говоря это, она поняла, что сболтнула лишнего, и строго наказала Чжэн Шаофэну никому не рассказывать об их разговоре. Заверив его, что будет ухаживать за его птицей, она поспешила уйти.

Вечером того же дня первый министр и второй министр в разных домах беседовали со своими сыновьями об одном и том же человеке.

Первый министр, услышав теорию сына, едва не выронил челюсть:

— Это ты сам придумал?

Чжэн Шаофэн гордо кивнул:

— Да.

— Врешь! — первый министр влепил сыну пощечину. — Ты даже если проломишь голову, такой мудрости не наберешься! Говори, от кого слышал?

Чжэн Шаофэн, потирая голову, ответил:

— Он просил не говорить.

Первый министр вздохнул:

— Ладно, не буду спрашивать. Человек этот толковый, можешь с ним общаться, только вот кто он такой? Не попадись на удочку.

Чжэн Шаофэн кивнул:

— Не беспокойся, я знаю. — Он подумал о «происхождении» Тянь Ци и почувствовал жалость. Он до сих пор был уверен, что Тянь Ци — любовник Цзи Чжэна. Такой умный и забавный человек достался такому...

Чжэн Шаофэн долго пытался подобрать слово, но так и не смог заставить себя назвать принца «коровьей лепешкой», и оставил эту мысль.

В доме Сунь Цунжуня второй министр снова спросил о «любовнике» принца. Он чувствовал, что проблема кроется именно там, и не стоило писать тот доклад, поверив сыну на слово.

В этот раз он узнал имя этого «любовника».

Тянь Ци?!

Тянь Ци — это же евнух при императоре, как он связан с Нин-ваном?

Бред какой-то. Неудивительно, что император был недоволен.

Узнав, как выглядит этот «Тянь Ци», он понял, что это тот самый евнух из Запретного города. Сунь Цунжуй в ярости ударил по столу и устроил сыну разнос.

Сунь Фань попытался возразить:

— Даже если у него ничего нет с принцем, он ведет себя слишком высокомерно. Такой евнух долго при императоре не задержится.

Сунь Цунжуй швырнул в него чашку. Сунь Фань не посмел увернуться, чашка ударилась о косяк и разлетелась вдребезги.

— Будет ли император держать его при себе — не твое дело! Больше не смей об этом говорить! Я сколько раз повторял: будь осторожен, скромн, думай, прежде чем сказать! А ты что? Гадаешь на кофейной гуще, несешь чепуху, и еще считаешь себя правым? Евнух — человек маленький, но он всегда рядом с императором, и если нашепчет что-нибудь, ты не оправишься и за несколько лет. А ты вместо того чтобы думать о своей шкуре, печешься о его судьбе!

Сунь Фань опустил голову:

— Отец, я был неправ, больше это не повторится...

Сунь Цунжуй махнул рукой:

— Император это дело закрыл, больше не вспоминай.

Сунь Фань успокоился, но при мысли о наглom лице Тянь Ци снова почувствовал злость.

Сунь Цунжуй дал ему еще несколько наставлений, и сын покорно кивал. Наконец министр спросил:

— Тот Тянь Ци... когда ты впервые его увидел, не показался ли он тебе знакомым?

— Нет. Почему отец спрашивает?

— Ничего. Просто его лицо... будто я его где-то видел.

Сунь Цунжуй нахмурился, пытаясь вспомнить, но безуспешно.

— В мире много людей, похожих друг на друга. Наверное, он просто похож на кого-то другого. Не стоит забивать голову такими пустяками.

Сунь Цунжуй кивнул и вздохнул.

Наступил праздник Дуанью.

Тянь Ци любила праздники, потому что в это время полагались награды, а во дворце Цяньцин они были особенно щедрыми. Как «любимчик» императора, Тянь Ци получила дополнительный подарок: маленькие золотые цзунцзы весом в пять с половиной лянов, размером с финик, с филигранной проработкой тростниковых листьев. Цзи Хэн еще ворчал, что работа недостаточно изящна, но золото было чистым, а вес — солидным, как раз для любителей наживы.

Он вручил Тянь Ци два таких цзунцзы и с удовольствием наблюдал, как она пускает слюнки, глядя на золото.

В день Дуанью, помимо обычных празднеств, Тянь Ци и Жуи задумали одно дело.

В народе этот день называли «женским праздником», когда замужние женщины навещали родительский дом, а маленьких девочек наряжали в красивые платья. Тянь Ци тоже хотела нарядить девочку, но во дворце была только маленькая девочка-мальчик, так что пришлось уговорить Жуи исполнить эту роль.

Жуи поначалу сопротивлялся, но ребенок есть ребенок — немного сладостей, и он забыл о протесте. К тому же он не видел себя со стороны, а нарядившись, быстро забыл, что на нем юбка, и продолжал играть как ни в чем не бывало.

Жуи был принцем, и хотя в дворцовых правилах не было прямого запрета на ношение юбок принцами, риск был. Но Тянь Ци не боялась: Жуи был надежным сообщником, достаточно было сказать, что он сам захотел нарядиться. К тому же в таком виде он выглядел как очаровательная девочка, императрица-мать наверняка придет в восторг, а если ей понравится — кто посмеет сказать хоть слово против?

Действительно, Тянь Ци нарядила Жуи и первым делом отвела его во дворец Цынин. Стоило вдовствующей императрице увидеть столь очаровательную маленькую девочку, как сердце её растаяло. Она заключила Жуи в объятия, осыпала поцелуями и расплылась в счастливой улыбке.

Помимо заранее заготовленных слов, Жуи проявил инициативу:

— Я часто слышал, как бабушка говорила, что хочет внучку. Тянь Ци сказала, что сегодня Праздник дочерей, и я решил нарядиться внучкой, чтобы порадовать вас. Бабушка, вам нравится?

Эти слова, произнесенные с серьезностью маленького взрослого, вызвали у всех присутствующих невольную улыбку.

— Нравится, конечно нравится! — вдовствующая императрица легонько коснулась лба Жуи и

рассмеялась. — Мой маленький Жуи, ну просто сущий бесенок.

Выйдя из дворца Цынин, Тянь Ци одной рукой вела Жуи, а другой показала ему большой палец:

— Ваше Высочество, вы просто чудо.

На этот раз это была не лесть, а самое искреннее восхищение.

Жуи, услышав похвалу, пришел в восторг. Его походка стала легкой, и он, пританцовывая, потянул Тянь Ци в сторону дворца Цяньцин. Как только они миновали ворота Юэхуа, то столкнулись с идущим навстречу Цзи Хэном.

С первого взгляда Цзи Хэн не узнал сына. Малыш был одет как настоящая девочка: прическа с двумя пучками, напоминающими кошачьи ушки, перевязанными красными шелковыми лентами, с которых свисали жемчужины и желтые кисточки, слегка покачивающиеся при ходьбе. На девочке было вишнево-красное платье с вышитыми бабочками, на шее блестел золотой замок, на левом запястье — нитка крошечных буддийских четок, а на правом — золотые бубенчики, звенящие чисто и мелодично.

Издавек Цзи Хэн заметил, что у ребенка нежное личико и большие влажные глаза. Кто же это, подумал он, такая прелестная кроха, надо бы её приласкать.

Хотя он и не узнал Жуи, но сразу приметил Тянь Ци, а вспомнив, кто обычно крутится рядом с этим евнухом...

Подойдя ближе, он убедился: перед ним действительно его собственный ребенок.

Не нужно было гадать, чьих это рук дело, и Цзи Хэн бросил на Тянь Ци строгий взгляд. Та втянула голову в плечи.

Жуи, верный товариществу, видя, что отец сердится на Тянь Ци, поспешил признаться, что сам захотел надеть платье.

Цзи Хэн был не так прост, как вдовствующая императрица, но сейчас не стал их разоблачать. Жуи в образе девочки выглядел до того мило, что сердце императора смягчилось. Он наклонился, подхватил сына на руки и потерся щекой о его щечку.

Жуи радостно потряс рукой, и золотые бубенчики отозвались звоном. Поняв, что отец не собирается его отпускать, он протянул руки к Тянь Ци:

— Тянь Ци, возьми.

Цзи Хэн почувствовал, что сын совсем не проявляет к нему должного уважения, и снова с укором посмотрел на Тянь Ци. Он искренне не понимал: вокруг полно евнухов и служанок,

умеющих ладить с детьми, почему же Жуи так тянется именно к Тянь Ци? Позже он вывел закономерность: все, кто носит фамилию Цзи, рядом с Тянь Ци теряют голову. Настоящее проклятие.

Почувствовав недовольство императора, Тянь Ци не решилась взять Жуи и лишь проговорила:

— Ваше Высочество, мне вас не удержать...

Жуи разочарованно опустил руки.

Цзи Хэн бросил взгляд на хрупкую фигуру Тянь Ци, бросил сухое: Не занимайтесь больше подобными глупостями — и, опустив Жуи на землю, позволил им идти играть.

Когда Цзи Хэн ушел, Тянь Ци отвела Жуи к Дай Саньшаню. На самом деле Жуи выбирал Тянь Ци в спутники не просто так. В ней сочетались лучшие качества евнухов и служанок: она была находчивой, умела играть, а еще обладала чуткостью и той особой нежностью, которую можно назвать материнской. У кормилицы Жуи тоже была материнская любовь, но из-за излишней осторожности она не позволяла ему резвиться от души. А те, кто мог с ним играть, не обладали нежностью Тянь Ци.

Жуи еще не исполнилось и четырех лет, чтобы осознать всё это, он просто знал, что ему нравится проводить время с Тянь Ци, и этого было достаточно.

В итоге эта парочка выманила Дай Саньшаня, и тот прокатил их вокруг озера Тайе. Увидев, что мимо проходят люди с цзунцзы, Жуи загорелся желанием угоститься и велел принести побольше сладостей, чтобы разделить их с Тянь Ци. Зная, что во дворце Цынин Жуи уже ел цзунцзы, Тянь Ци побоялась, что у него заболит живот, поэтому не позволила съесть много, а вместо этого уговорила его кормить Дай Саньшаня.

Дай Саньшань попробовал разные начинки и быстро стал привередничать: мясные ел, а остальные игнорировал. Черепаха словно знала толк в еде: стоило поднести к ней клейкий рис, как она, даже не открывая рта, понимала, что внутри. Если начинка была овощной, она просто опускала голову и замирала, словно монах в глубокой медитации.

Когда осталось много развернутых, но нетронутых черепахой цзунцзы, Тянь Ци пожалела их выбрасывать. Она спросила остальных, не хотят ли они попробовать угощение, которое понюхала священная черепаха. Все охотно согласились приобщиться к божественной ауре, и ни один цзунцзы не пропал — всё съели слуги.

Увидев, что Дай Саньшань больше не ест, Жуи заскучал и, указав на плакучую иву у берега, попросил:

— Тянь Ци, сплети мне из этого Дай Саньшаня.

Плести черепаху из ивовых прутьев было непросто, Тянь Ци никогда раньше этого не делала.

Но раз уж маленький Жуи ради такого дня согласился надеть платье, она решила сделать всё возможное, чтобы его порадовать, и принялась за работу.

Они сидели на спине Дай Саньшаня. Окружающие не решались подойти близко: хотя черепаха была сыта, она не теряла бдительности, вытянув шею и широко открыв глаза, что выглядело весьма устрашающе. Слухи о том, как черепаха кусается, обрастали новыми подробностями, и теперь, кроме Тянь Ци и Жуи, никто не смел к ней приближаться.

Ах да, был еще один смельчак — наш император. Но стоило Цзи Хэну приблизиться к Дай Саньшаню, как та мгновенно пряталась в панцирь. Он сам не понимал, боится его черепаха или просто терпеть не может.

Сегодня всё повторилось. В праздник Дуанью Цзи Хэн не хотел работать, а услышав, что сын играет с Тянь Ци у озера, решил присоединиться. Издалека он увидел, как большая и маленькая фигуры сидят на спине черепахи, о чем-то оживленно беседуя.

Пока остальные не успели среагировать, Дай Саньшань увидела его и по привычке спрятала голову и лапы.

Подойдя ближе, Цзи Хэн жестом остановил слуг, которые собирались поприветствовать его. Ему было любопытно послушать, о чем говорят Жуи и Тянь Ци. Ради воспитания сына он нередко прибегал к таким методам.

Он услышал мягкий голос Жуи:

— Тянь Ци, почему в праздник Дуанью едят цзунцзы?

Тринадцать иероглифов! Старая привычка Цзи Хэна взяла верх, он пересчитал их и почувствовал смесь зависти и досады.

— Чтобы почтить память Цюй Юаня, — ответила Тянь Ци, глядя на воду и не замечая императора. Она продолжала плести черепаху.

— Кто такой Цюй Юань? — снова спросил Жуи.

— Это поэт, живший очень давно. Его оклеветали и отдалили от двора, он не вынес несправедливости и бросился в реку.

Цзи Хэн слегка кивнул. Неплохо, по крайней мере, она знает основы и не несет чепухи. Но его удовлетворение длилось недолго.

— Почему его оклеветали? — не унимался Жуи.

Девять иероглифов. Цзи Хэн сосчитал и приготовился слушать объяснение Тянь Ци.

Тянь Ци решила, что объяснять это слишком долго, да и Жуи вряд ли поймет, поэтому ляпнула первое, что пришло в голову:

— У него фамилия Цюй, вот он и «скривился» (цюй) до смерти.

Цзи Хэн ужасно захотелось постучать Тянь Ци по голове: что за нелепость, не порти моего сына!

Жуи, как и любой ребенок, поверил всему. Он удивленно воскликнул:

— Моя фамилия Цзи, значит, я потом «поспешу» (цзи) до смерти? А ты — тебе хорошо, сможешь потом объесться сахаром до смерти!

Цзи Хэн забыл про счет слов — он был поражен способностью сына делать такие выводы. Но что за «поспешить до смерти» и «объесться до смерти» — это же полнейший бред!

Император уже собирался вмешаться, как вдруг услышал печальный голос Жуи:

— А что же мне делать, если я поспешу до смерти?

С твоим характером ты сначала доведешь до смерти других, — подумал про себя Цзи Хэн.

Тянь Ци успокоила его:

— Не переживай. Говорят, что всё зависит от человека. Если Ваше Высочество не будет сердиться, спешить и займется самосовершенствованием, став благородным мужем, то точно не «поспешит» до смерти.

Жуи серьезно закивал.

Вспоминая, как его самого в детстве пичкали доктринами Лунь Юя, Цзи Хэн смотрел на сына и испытывал странные чувства. Он заметил, что Тянь Ци всегда находит способ превратить нелепость в глубокомысленное изречение, которое в итоге оказывается лишь шуткой, брошенной на ходу.

Ладно, по крайней мере, Жуи получает положительный настрой, утешил себя Цзи Хэн.

Жуи в руках держал цзунцзы. Повозившись, он наконец развернул его и, как величайшее сокровище, протянул Тянь Ци:

— Тянь Ци, ешь.

Тянь Ци, увлеченная плетением, не глядя, откусила большой кусок и продолжала работать. Начинка из красной фасоли в сочетании с клейким рисом была сладкой и нежной.

Сам Жуи есть не стал, а подался вперед и чмокнул Тянь Ци в щеку.

Цзи Хэн больше не мог этого выносить. Родной сын почти не проявляет к нему такой нежности, а тут запросто целует этого евнуха! Он шагнул вперед, намереваясь подхватить Жуи, и намеренно втиснулся между ним и Тянь Ци.

Панцирь черепахи был выпуклым, и, чтобы поднять сына, Цзи Хэну пришлось наклониться. Его лицо оказалось всего на вершок выше лица Жуи, и из-за размера панциря между ними могла поместиться только голова императора.

Тянь Ци знала, что Жуи поцеловал её, но не видела, что вклинился Цзи Хэн. Они часто играли в «поцелуйчики», и она, не отрываясь от работы, повернула голову, чтобы ответить тем же...

И в итоге её губы уткнулись прямо в лицо Цзи Хэну.

<http://bllate.org/book/22267/2330916>